

A man and a woman are standing on a cobblestone street at night. The man, on the left, has a beard and is wearing a light blue button-down shirt with his arms crossed. He is looking towards the woman. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a red, floral-patterned dress. She is looking back at the man. The background shows a European-style street with buildings, warm streetlights, and a red awning on the right.

САША
БУШМИНА

Тришка
ПРОТИВ
МИЛЛИАРДЕРА

Саша Бушмина

Пышка против миллиардера

«Автор»

2026

Бушмина С.

Пышка против миллиардера / С. Бушмина — «Автор», 2026

– Или ты закрываешь эту свою пародию на кафе, или...Я вскидываю подбородок:– Или что?– Или я ему помогу закрыться. Знаешь, проверки там всякие, ну или проводка вдруг коротнет... у тебя столовка же где? Правильно, в подвальном помещении, а тут всякое может случиться.Смериваю наглого миллиардера взглядом.– Ах вот как! Что, дела в модном крутом ресторане совсем плохи? Даже твои богатенькие друзья в мою столовую бегают. А знаешь, почему? Потому что в моей стряпне есть душа! Воспоминания! А эта твоя высокая кухня – просто издевательство, а не еда.– Знаешь, что? – вдруг ухмыляется наглец. Нехорошо так, будто пакость задумал. – Предлагаю тебе спор. Тот, кто в нем проиграет, закрывает свой бизнес.– Да вот еще! – фыркаю я. – Нашел дурочку. Ты сто процентов сжульничаешь, у тебя же это на лице написано!Каримов надвигается на меня и от неожиданности я отступаю.– А выбора у тебя нет, пышка. Либо ты соглашаешься, либо с твоей забегаловкой точно что-нибудь нехорошее случится.

© Бушмина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Саша Бушмина

Пышка против миллиардера

Глава 1

Демьян

– Ну? – мрачно подгоняю с ответом. – Что скажешь, Илья?

Постукиваю пальцами по натертому до блеска столу, недобро глядя на управляющего своего ресторана.

Уже третий месяц одно из самых модных и дорогих моих заведений приносит одни убытки. Это при том, что здесь всегда народа полно было! Даже в обеденное время запись на столики велась.

Обвожу суровым взглядом почти пустой ресторан и мрачнею еще больше.

– Так я все в отчете изложил, как вы и хотели, Демьян Алексеич, – кивает Илья на лежащую передо мной стопку бумаг.

– Ага, я полистал. Нормально тебе там вариантов нейронка накидала по поводу снижения выручки. А теперь давай серьезно... – я подаюсь вперед и понижаю голос: – Если я сейчас службу безопасности свою привлеку, не вскроются левые растраты? Которые возможно кое-кому в карман утекают?

Управляющий бледнеет и дергает воротник рубашки. Сипло уверяет:

– Что вы, Демьян Андреевич, я никогда...

– Ты из меня идиота не лепи, я в бизнесе с конца девяностых верчусь. Так что давай-ка начистоту, пока по-хорошему все решить можно. Персонал косячит? Деньги воруют? Сам прикарманиваешь часть прибыли?

Илья отводит глаза, нервно постукивая под столом ногой.

– Демьян Алексеич, так ведь времена тяжелые сейчас, кризис, затраты растут на все, каждый день буквально! Люди экономить стали...

– У нас заведение премиум-класса, кто, блин, из этих, – тыкаю пальцем вверх, – экономить стал?? Ты серьезно сейчас? Да они на Мальдивы каждые выходные катаются, для них они как дача!

Управляющий шумно выдыхает.

– Ну не скажите, реже уже. Я же говорю, время такое. Сейчас надо быстро за изменениями успевать, реформатировать заведение, за модой следовать...

Я откидываюсь на спинку дивана и смериваю Илью тяжелым взглядом.

– Мы полгода назад ребрендинг делали, меню обновили, дизайн...

– Не в этом дело! Вы понимаете, сейчас в моде возвращение к корням! Вкусная и недорогая еда, домашняя, как у бабушки или мамы! Ну вот сами скажите, сравнятся ли какие-нибудь устрицы или фондю с бабушкиными пирожками? Или с драничками со сметаной?? А с маминым фирменным борщом? Да с салычем, с чесночком, с черным хлебушком хрустящим...

Илья с таким чувством рассказывает, что невольно воспоминания накатывают. Вот мне десять лет, я у бабушки в деревне, пью парное молоко, на ходу закусывая горячим пирожком с картошкой... а потом во двор, с пацанами в футбол играть...

Страхиваю с себя оцепенение и снова возвращаюсь в реальность. Бабушки давно нет, с матерью мы мало общаемся. Да она и не заинтересована была никогда ни моим воспитанием, ни брата.

– К чему клонишь? Не припомню, чтобы рядом новые заведения открывались. А старые конкуренты нам проигрывают во всем.

Илья, замаявшись на секунду, все-таки выкладывает:

– Ну вообще-то открылось тут недалеко одно.

Я удивленно вскидываю брови. Ресторан в центре всегда открывают с помпой и кучей рекламы, иначе без создания ажиотажа ты будешь сто лет сидеть клиентов ждать. Пока не обанкротишься.

– Да? Кто открыл? Почему я не слышал ничего?

Опять управляющий странно медлит с ответом.

– Да тут одно заведение... как раз там простые и вкусные блюда, уютно все, чистенько...

– О, уже конкурентов прощупал. Молодец, – киваю я одобрительно. – И что за заведение?

Глянув на меня обреченно, Илья выдает:

– Кафе-столовая это. Тут рядом, в полуподвале. “Вкусно, как у мамы” называется.

Я пялюсь на управляющего, ожидая, что тот сейчас рассмеется, но Звягинцев сохраняет самое что ни на есть серьезное выражение лица.

– Ты идиота во мне видишь? – зверею я. – Хочешь, чтобы я поверил, чтобы мой ресторан какая-то занюханная столовка обскакала?!

Мимо нас семенит официантка и я гаркаю на нее:

– Ольга! Ты куда посреди рабочего дня собралась?

– Так ведь у меня перерыв на обед... – робко оправдывается миловидная блондинка. – Вот, за пирожком иду и супчиком.

– Куда идешь? Тут же кормят бесплатно!

Ольга переводит глаза на Илью и я, проследив за ее взглядом, замечаю, как тот корчит ей страшные рожи, пытаюсь заставить официантку замолчать.

– Т-а-ак... – медленно поднимаюсь я, вне себя от злости, – ну-ка говори, куда ты за своим пирожком идешь??!

– Т-тут рядом... – блеет Ольга, сжавшись в комок, – в столовой, точь-в-точь как у мамы дома...

Ну нет, это уже ни в какие ворота! Чтобы собственные сотрудники от бесплатного обеда по подвальному общепиту таскались?!

– А ну показывай, где эта столовка гребаная, – цежу злой, как сотня чертей, Илье. – Проверим сейчас, какой баландой там вас кормят, что вы как с ума все посходили.

Глава 2

Юля

– Бабулечка, пирожки скоро поспеют? А то уже второй раз спрашивали, расхватали все, – заглядываю я на кухню.

Нарадоваться не могу от того, как хорошо идет бизнес, хоть и работать приходится как не в себя. Я в нашем с бабулей кафе и на кухне готовлю, и на кассе стою, и уборкой занимаюсь. Еще мама бывает помогает. Лишние руки всегда нужны.

Лениться некогда. Даже на пару кило похудела за месяц! Правда для моего пятьдесят четвертого размера это как слону дробина, но, как говорится, мелочь, а приятно. И Костя вроде тоже заметил. Может предложение скоро сделает, а там и на свадьбу накопим...

– Уже десять штук готово, можешь забирать, – улыбается бабуля, споро орудуя вилками и переворачивая пирожки на другой бок.

У кассы звякает колокольчик, который я специально оставила, чтобы гость мог оповестить о себе. Подхватив поднос с горячими пирожками, я тороплюсь в зал.

С той стороны прилавка стоит огромный мужичара и буравит меня недобрым взглядом. Я сбиваюсь с шага, но замечаю маячащего за спиной злобного мужика Илью.

– Ой, Илюш, привет! А ты как раз вовремя, как раз бабуля твои любимые пирожки с картошкой нажарила. Еще горячие! Завернуть как обычно два?

Мужик бандитской наружности со свистом втягивает воздух носом, как разъяренный бык. И чего он так разнервничался? Переживает что ли, что ему не достанется?

Он окидывает меня оценивающим взглядом, словно рентгеном сканирует.

– Хозяйка где? Позови-ка, поболтать надо.

Я вскидываю бровь и интересуюсь:

– А что, какие-то проблемы? Не припомню, чтобы я вас обслуживала.

– А вы, дамочка, и не в моем вкусе, чтобы меня обслуживать, – оскаливается хищно мужик. – И в этой рыгаловке вообще что-либо заказывать чревато. Тут же сто процентов травануться можно.

Ах он!! Вот же хамло! Я, может, дама и корпулентная, вот только оскорблять меня – себе дороже. А тем более мою и бабушкину готовку!

– Мужчинка, вас здесь никто обслуживать и не собирается. Неинтересны те, у кого вечно на полшестого. Так что будьте добры, покиньте помещение, пока я охрану не вызвала.

Незнакомец багровеет, будто я ему самое глубокое оскорбление нанесла.

– Охрану? А давай-ка вызови. Кто у тебя тут работает, помимо тараканов?

– Демьян Андреич, давайте мы лучше пойдем, – вклинивается Илья, от неловкости переминаясь с ноги на ногу.

А невоспитанный гад цедит, не поворачивая головы и не сводя с меня взгляда.

– Куда это мы пойдем? Мы же только пришли! Я, можно сказать, только начал знакомиться с местной... кхм... гастрономией, – выплевывает он это слово как ядерное ругательство.

Демьян демонстративно оглядывает зал, задерживается взглядом на клетчатых скатертях и на вязаных салфетках, которые бабуля сама крючком. Они постелены под небольшими вазами с маленькими букетиками живых цветов и, как по мне, выглядят очень мило.

– Уютненько, – тянет он с издевкой. – Прямо музей быта и безвкусицы. Пахнет у вас, конечно, вкусно, обманывать гостей умеете.

– Это пирожки, – любезно поясняю я, задвигая наконец поднос на витрину. – С картошкой. Но вам не предлагаю, у вас, судя по лицу, несварение уже лет десять как. Хроническое, с выбросом желчи.

За спиной Демьяна кто-то сдавленно хрюкает. Перевожу взгляд и понимаю, что это дядя Толя, наш постоянник, давится борщом за угловым столиком. Мужик тоже оборачивается, и дядя Толя мгновенно делает вид, что изучает содержимое тарелки с научным интересом.

– Значит так, дамочка, – явно потеряв терпение, Демьян упирается ладонями о прилавок и нависает надо мной, как скала. – Я даю тебе ровно неделю, чтобы свернуть эту богадельню. Иначе сюда придет санэпидстанция, пожарная инспекция, налоговая и еще пара организаций, о существовании которых ты даже не подозреваешь.

– Ой, как страшно! – закатываю я глаза. – Илюш, а кто это вообще? Ты зачем к нам грубиянов водишь? Мы же тебе как родному, со скидкой...

– Со скидкой?! – взрывается мужик и разворачивается к своему спутнику так резко, что тот отшатывается. – Звягинцев! Ты в этой шараге еще и со скидкой харчуешься?!

– Демьян Андреич, ну а что делать, если тут пирожки, как у моей бабушки... – лепечет Илья, отступая к двери. – А у нас в ресторане фуа-гра с конфитюром из шалота...

– Что-о?!

– Вкусные, говорю, очень, фуа-гра ваши!

Пока эти двое препираются, из кухни выплывает бабуля. Как положено, в фартуке, с полотенцем через плечо и с таким лицом, будто вышла принимать парад. Восемьдесят два года моей Верочке Петровне, а осанка у нее до сих пор как у балерины Большого театра.

– Что за шум, а драки нету? – интересуется она, поправляя очки. – Молодой человек, вы кричите так, что у меня тесто осело. А тесто, между прочим, обидчивое, не то что я.

Демьян явно не ожидал увидеть повара с таким внушительным стажем, наверняка позаивидовал!

– Я... – начинает он.

– Голодный, – констатирует бабуля, окинув его одним цепким взглядом. – Злой, невыспавшийся и голодный. Знаю я вас таких. Юленька, налей человеку борща.

– Бабуль, этот человек только что назвал наше кафе рыгальнойкой, – ябедничаю я, скрестив руки на груди.

– Тем более налей. Пусть подавится... – бабуля выдерживает поистине мхатовскую паузу, – ...от стыда, когда попробует.

– Я не собираюсь ничего здесь есть, – чеканит Демьян, но я замечаю, как у него дергается кадык.

Неудивительно, у нас тут такие ароматы витают, что у голодных сразу животы урчат. Еще и из кухни плывет запах свежей поджарки с чесночком для новой порции пюре.

– Бойтесь? – невинно спрашиваю я, – И правильно бойтесь. Многие после нашего борща обратно к своим устрицам вернуться не могут. Ломка начинается. Так что идите-ка отсюда назад свои изысканные блюда кушать.

Демьян сверлит меня хмурым взглядом.

– А знаете что? Давайте-ка сюда свой борщ, пирожки и на гарнир что-нибудь на свой вкус. И салат. Сейчас будем проводить следственный эксперимент с опытными образцами. И учтите, если я отравлюсь, мои адвокаты вашу забегаловку с землей сравняют.

Глава 3

– Отравитесь? У нас? – удивляюсь я. – Да если такое случится, я свой фартук съем и больше никогда к готовке не притронусь!

– Очень на это надеюсь, – ядовито цедит Демьян. – То, что вы готовите – это не еда, а сплошное издевательство для желудка!

Я фыркаю и ухожу на кухню за “издевательством”.

Накрываю ему стол по полной программе: борщ со сметаной и зеленью, воздушное пюре с двумя сочными домашними котлетками, салат из свежих овощей с ароматным душистым маслом. Еще пирожки приношу и компот из сухофруктов.

Ставлю все это на стол и делаю приглашающий жест рукой:

– Прошу. Следственный эксперимент объявляется открытым. Понятые есть, – киваю на дядю Толю, который уже развернулся к нам всем корпусом и даже жевать перестал, чтобы ничего не пропустить.

Демьян усаживается за ближайший столик. Берет ложку в руку и придирчиво оглядывает ее. Нет, это даже оскорбительно! Он думает, мы тут посуду не моем??

Наконец этот гад зачерпывает борщ. Замечаю, как Илья сглатывает набежавшую слюну.

Как только первая ложка супа отправляется в рот Демьяну, начинается самое интересное. Лицо у этого громилы с манерами бульдозера вдруг плывет. Каменные скулы смягчаются, брови ползут вверх, а в глазах появляется что-то беззащитное, почти детское. Как будто ему лет десять и сидит он на бабушкиной кухне, болтая ногами и ожидая добавки.

Почти сразу Демьян сурово сводит брови у переносицы и ест вторую ложку. Третью... пятую... темп угрожающе нарастает.

– Ну что, – ехидно комментирую я, – когда адвокатов вызывать будем? До или после котлет?

Демьян поднимает на меня тяжелый взгляд и вместо ответа мрачно придвигает к себе тарелку с пирожками. Откусывает от одного и на мгновение прикрывает глаза.

– Хлеб несвежий, – наконец выдает он, дожевывая первый пирожок и беря второй.

– Это не хлеб, а пирожок, – поправляю я. – Его прямо перед вашим приходом пожарили.

– Борщ пересолен.

– Да? Так зачем же вы его весь съели? – язвлю. – Из принципа наверное?

– Из соображений следствия! – рывкает Демьян и с грохотом отодвигает пустую тарелку.

– Нужна была полная картина!

– Полная картина будет, когда вы компот допьете, – ласково сообщает бабуля. – Там на дне курага, можете тоже ее сжевать.

Дядя Толя в углу издает звук закипающего чайника. Демьян бросает на него испепеляющий взгляд, но дядю Толю после тридцати лет брака с тетей Зиной испепелить невозможно, он огнеупорный.

Бабуля тем временем подплывает к столику и, подбоченившись, интересуется:

– Ну что, молодой человек, добавки? Или сразу к десерту? У меня шарлотка подоспела.

– Никаких десертов! – Демьян вскакивает резко, от чего ножки стула противно скрипят.

– Это ничего не меняет! Ваша... ваша столовка переманивает клиентов у приличных заведений! У меня ресторан премиум-класса в двух шагах пустует, а тут очередь за какими-то занюханнкими пирожками!

Ах вот оно что! Так это тот самый пафосный ресторан, где средний чек за то, чтобы поесть как половина моей аренды? То-то Илья к нам как на работу ходит.

– Так вы, значит, наш конкурент, – тяну я. – А я-то думала, санэпидстанция нынче такая упитанная пошла.

– Я вам не конкурент, – цедит Демьян. – Конкуренция – это когда силы равны. А вы – досадное недоразумение, которое я устраню за неделю.

– Ой, да устраняйте на здоровье, – машу я рукой. – Только компот сначала допейте. У нас не принято, чтобы еда пропадала. Не докушал – не уходишь, это правило заведения.

И тут этот невозможный человек, гневно раздувая ноздри, берет стакан и залпом выпивает компот. До дна. А потом со стуком ставит стакан на стол, сокращает между нами расстояние и, весь пыша злостью, чеканит:

– Неделя тебе, чтобы убраться отсюда, хозяйюшка. Или потом лично приду и уже точно будет хуже.

Демьян разворачивается и направляется к выходу. И уже в дверях, не оборачиваясь, бросает через плечо:

– Илья, пирожки с собой заberi. Как вещдок. На экспертизу повезем.

Пф! Как же, на экспертизу! Стрескает как пить дать!

Илья подхватывает тарелку с пирожками и, бросив на меня виноватый взгляд, семенит за своим начальником. Колокольчик над дверью возмущенно звякает им вслед.

Мы с бабулей переглядываемся.

– Хороший аппетит у мальчика, – задумчиво произносит она, вытирая руки полотенцем.

– Злой только очень. Недолюбленный.

– Бабуль, этот “мальчик” нас закрыть грозитя!

– Пусть сначала шарлотку попробует, – невозмутимо хмыкает она. – А там посмотрим, кто кого закроет.

Знать бы мне тогда, как все закрутится уже через несколько дней, когда этот тип снова возникнет на нашем пороге... я бы хоть солью у порога посыпала. Чтобы не ходили всякие, не тревожили ранимую девичью душу.

Глава 4

Демьян

– На экспертизу, значит, – бормочу я, запихивая в рот третий пирожок прямо в машине.
– Вот и проверим. Экспертиза показала...

Экспертиза показала, что я идиот. Потому что нормальный человек не сидит в люксовом внедорожнике за два часа до совещания и не давится пирожками из подвальной столовки, обжигая пальцы и роняя крошки на итальянский костюм.

– Демьян Андреич, а можно мне один? – робко подает голос Илья с пассажирского сиденья. – Вещдоков же много...

– Нельзя. Вещдоки тебе не игрушка, – отрезаю и на всякий случай переставляю тарелку подальше от него.

Илья тяжело вздыхает и отворачивается.

Страдает. Ну и пусть страдает, предатель. Три года в моем ресторане работает, а харчуются у конкурентов. Со скидкой!

Я откидываюсь на подголовник и мрачно пялюсь в потолок салона. В животе тепло и сыто, как не было уже давно, хотя я много вкусных блюд ел в разных уголках света. И это раздражает больше всего.

Потому что тепло это не от борща с пирожками, будь они неладны. А от того, что вместе с ними в меня будто ковшом зачерпнули и влили что-то из детства. Бабушкина кухня, ходики на стене, тот самый запах поджарки...

Так, стоп, отставить лирику.

– Илья, – сурово зову я, отряхивая пиджак, – что мы знаем про эту столовку? Кто владелец, какая аренда, какие обороты?

– Ну-у... – мнется управляющий. – Владелица – Юлия Сергеевна. Та, которая вас... с которой вы... ну, которая про полшестого...

Я скриплю зубами. Про полшестого я этой нахалке еще припомню. Чтобы мне! Мне! Сказануть такое! Да у меня столько баб было! И ни одна от меня еще недовольная не уходила!

Прожигаю Звягинцева тяжелым взглядом, будто это он во всем виноват, и требую:

– Дальше.

– Готовит в основном бабушка ее, Вера Петровна. Легендарная женщина, лет пятьдесят поваром отработала, еще в обкомовской столовой начинала. Но и Юлия сама готовит тоже. Аренда у них копеечная, полуподвал же. Персонала нет, все сами. Народ туда уже отовсюду ходит, даже из бизнес-центров менеджеры бегают. Это же колорит, для них такое в новинку! Даже в интернете рейтинг у их столовой четыре и девять.

Снова чуть зубами не скриплю. Даже у моего ресторана с высочайшими стандартами четыре и семь. А тут почти пятерка! И за что?? За захудалые пирожки?!

Я десять лет строю ресторанный империю, у меня шеф-повар с мишленовским прошлым, сомелье с дипломами, посуда, за которую можно однушку в Бирюлево купить. И четыре и семь.

– Ладно, – цежу я, чувствуя, как внутри разгорается давно позабытый азарт. – Раз похорошему они не понимают, будем действовать иначе.

– Демьян Андреич, может, не надо санэпидстанцию? – жалобно тянет Илья. – У них же правда чисто, у Веры Петровны с этим строго, старая школа же...

– Какую санэпидстанцию, дурья твоя голова, – отмахиваюсь я, и в голове уже выстраивается план. Красивый. Элегантный. Коварный, как я люблю. – Мы поступим умнее. Мы их не закроем.

Илья тарашится на меня с опаской, будто я гранату с выдернутой чекой в руке держу.

– А что мы тогда сделаем?

Я оскаливаюсь хищно и Илья от моей улыбки вжимается в кресло.

– Мы их купим со всеми потрохами. Вместе с бабкой, борщом и этой языкатой хозяйской. Необязательно их в схватке побеждать, можно подмять под себя и возглавить. Завтра же поеду делать им предложение, от которого невозможно отказаться.

– А если откажутся? – осторожно уточняет Илья

Я фыркаю и забираю с тарелки последний пирожок.

– От меня? Илья, от меня еще никто не отказывался.

Знал бы я тогда, как сильно ошибаюсь. И что эта женщина с характером и языком острее аджики вывернет все так, что об этом будет судачить половина города.

Но пока я, довольный, ем последний вешдок и чувствую себя коварным злым гением.

Глава 5

Юля

Утро начинается с того, что у нас заканчивается сметана. Катастрофа вселенского масштаба, между прочим, потому что борщ без сметаны – это как свадьба без драки на банкете: технически возможно, конечно, но люди не поймут.

– Юленька, сбегай в магазин, а я пока тесто поставлю, – командует бабуля, и я уже стягиваю фартук, когда над дверью предательски звякает колокольчик.

Мы еще не открылись даже, кого там нелегкая принесла?

Выглядываю в зал и замираю.

На пороге – он. Вчерашний громила, который нас закрыть грозился, только сегодня без Илья. Зато с букетом. С бу-ке-том! Роз, между прочим, бордовых, шикарных, размером с хороший куст. И с папочкой кожаной подмышкой.

– Доброе утро, хозяйushка, – расплывается он в улыбке, от которой у меня сразу срабатывает внутренняя сигнализация. Так улыбается кот, который уже слопал всю сметану и теперь пришел узнать, когда завезут новую.

– Санэпидстанция нынче с цветами ходит? – подозрительно шурюсь я. – Или это венок? Так мы вроде живее всех живых.

Демьян водружает букет на прилавок, едва не смахнув банку с медовыми пряниками.

– Это жест доброй воли. Я вчера был... несколько резок.

– Вы вчера были хамлю хамлом, – любезно уточняю я. – Но продолжайте, интересно, куда вы клоните.

Он усаживается за тот же столик, что занимал вчера, раскладывает свою папочку и смотрит на меня взглядом доброго дядюшки.

Ага, доброго! Такому дядюшке палец в рот положишь – по локоть отхватит и попросит добавки.

– Юлия Сергеевна, – начинает он бархатным голосом. – Я человек деловой и умею признавать очевидное. Ваша кухня – это талант. Ваша бабушка – настоящее золото. А ваше заведение – жемчужина. И я хочу, чтобы эта жемчужина сияла в достойной оправе. Присаживайтесь, поговорим.

Окинув незваного гостя подозрительным взглядом, я все-таки обхожу прилавок и сажусь напротив него.

– Так, – подпираю щеку рукой. – Продолжайте, я как раз давно в цирке не была.

Демьян, не дрогнув, разворачивает ко мне документы. Бумага красивая, дорогая, с логотипом, с цифрами. Цифры, надо признать, такие, что у меня на секунду в глазах двоится.

– Я покупаю ваше кафе! – торжественно сообщает мне Демьян таким тоном, будто благодетельствует нищую бедную сиротку. – Вы с Верой Петровной переходите ко мне. Запустим отдельную линию домашней кухни в моем ресторане, вашу бабушку сделаем бренд-шефом, вы сами будете управлять направлением. Ну, под моим контролем, конечно. Зарплата – вот.

И постукивает пальцем по строчке с цифрами, которую специально красной ручкой подчеркнули. Видимо, для дурачков вроде меня, чтобы знала, куда смотреть и дальше в договор нос не совала.

– Разумеется еще будут проценты и плюс соцпакет. Платная медстраховка, стоматология, все как полагается. Вам больше никогда не придется самой мыть полы и стоять на кассе. Сами подумайте, как это выгодно! Никаких проблем с арендой, проверок и так далее. Просто готовьте и получайте деньги.

И вот сижу я, смотрю на эту цифры и на секундочку все же представляю мысленно. Отпуск. Море. Платье дорогое свадебное... Костя, мой парень, наверняка, обрадуется...

А потом поднимаю глаза и вижу, как ОН смотрит. Спокойно так, снисходительно. Ждет, когда я соглашусь, отказ в его системе координат даже не предполагается.

Демьян уже все решил и просчитал: для него мы просто занюханная столовка, сейчас он ее купит, упакует в свой премиум-класс, уложит бабулины пирожки на тарелку размером с колесо, воткнет туда веточку укропа, назовет «пирожок а-ля рюс деконструированный» и продаст в десять раз дороже. И где тут та самая домашняя еда, от которой не только в пузе тепло, но и на душе?

– Значит так, – говорю я и аккуратно закрываю его красивую папочку. – С арендой и проверками у нас и так проблем нет. Но спасибо за цветы. Розы шикарные, поставлю у кассы, гостям приятно будет.

Демьян моргает растерянно.

– Вы наверное не допоняли...

– Все я допоняла. Нет, я не продам вам свое кафе.

Судя по вытянувшейся физиономии, слово «нет» этот громила слышал последний раз где-то в прошлом веке и уже забыл, что ему могут отказывать.

– Что значит «нет»?! Вы цифры видели?

– Видела. Красивые, – киваю я. – А теперь послушайте меня, Демьян, не знаю, как там вас по батюшке. Это кафе мы с бабулей открыли на ее накопления и мои деньги с трех работ. Эти скатерти мама гладила, а салфетки бабуля вязала под любимый сериал не для того, чтобы их на помойку выкинули. Здесь во все не только наш труд, но и душа вложены. Сюда люди приходят хмурые, злые из-за проблем, а потом уходят и улыбаются. Нам постоянно говорят, что как у мамы поели, что детство у бабули вспомнили. А в вашем ресторане души нет. Я не хочу, чтобы ваши официанты с постными лицами один пирожок продавали за тысячу рублей штука. Это бесчестно.

– За тысячу двести, – машинально поправляет Демьян и я всплескиваю руками:

– Вот! Вот поэтому и нет!

Демьян начинает багроветь. А он ничего, ему этот свекольный оттенок даже идет. Глаза оттеняет.

– Да это же бизнес, он так и работает! Зарплата поварам, персоналу, раскрутка, закупка продуктов, за все наценка!

– Вы это все с одного пирожка платите? – фыркаю с сарказмом.

У Демьяна чуть пар из ушей не свистит.

– Да ты хоть понимаешь, от чего отказываешься, фифа?! Я вам будущее предлагаю, стабильность! А ты цепляешься за какой-то подвал с фикусом?!

Я скашиваю глаза на стоящую в углу кадку с фикусом и возмущаюсь:

– Фикуса, между прочим, зовут Аркадий, и он практически член семьи! Вы сами еще вчера нас закрыть грозились, а сегодня уже розы приперли и золотые горы сулите. Что-то быстро тактика поменялась, а? Неужто борщ с пирожками так подействовали?

И тут я понимаю, что попала в точку. Потому что этот шкаф трехстворчатый вдруг отводит глаза. Всего на секунду, но женщине этого хватит, чтобы сделать выводы.

– Пирожки тут ни при чем, – бурчит Демьян.

– Ага. А кто вчера «вещдоки» в машине трескал? Дядя Толя все видел, он мимо парковки шел! Говорит, лицо у вас было такое, будто пищу богов вкушали!

– У дяди Толи у вашего катаракта наверняка!! Или вообще мозги набекрень, раз придумывает сплетни про честных людей!

– Взяли бы и признали, что ваши устрицы-шмустрицы проигрывают обычным пирожкам.

Демьян вскакивает, упирается кулаками в стол и нависает надо мной. Я тоже встаю и упираюсь кулаками в стол со своей стороны. Нависать, правда, не получается – ростом не вышла, – но взглядом испепелять я умею.

– Последний раз спрашиваю, – рычит он. – Кафе продашь свое?

– Последний раз отвечаю, – не моргнув, парирую я. – Нет. Но могу завернуть вам пирожков с собой. И скидку сделать. Как постоянному клиенту.

Секунд пять мы играем в гляделки. Ноздри у Демьяна раздуваются от злости, подозреваю, он бы меня точно придушить хотел, если бы не уголовный кодекс.

И тут из кухни доносится безмятежный голос бабули:

– Юленька, шарлотка готова! Неси нашему мальчику кусочек, пока горячая. Злой он у нас сегодня снова. Это все от недокормленности!

У Демьяна дергается глаз. На лице у него отражается такая борьба, что хоть билеты продавай: гордость бьется с шарлоткой не на жизнь, а на смерть.

Шарлотка побеждает по очкам, судя по тому, как дергается кадык, когда он сглатывает. Но проигрывать красиво этот тип не умеет, поэтому хватает свою папочку, и, гордо чеканит к выходу.

– Это война, хозяйюшка, – бросает он, оглянувшись у двери. – Проверок, говоришь, не было у вас? Будут.

Я складываю руки на груди.

– Приходите обедать, вояка. По будням до двух комплексный обед со скидкой. Сегодня солянка или уха, на выбор.

Демьян шарахает дверью с такой силой, что колокольчик еще секунд десять истерически трезвонит.

Я выдыхаю. Вот же привязался на мою голову! Шел бы в свой крутой ресторан и наворачивал омаров. Нет же, жизни спокойной не дает ему мое кафе.

Забираю с прилавка розы и иду на поиски того, во что этот букетище можно воткнуть. Не пропадать же добру.

– Отшила? – невозмутимо спрашивает бабуля, выглядывая из кухни.

– Отшила, – вздыхаю я. – Бабуль, и почему у меня ощущение, что это только начало?

– Потому что так и есть, – она щурится и улыбается хитро. – Такие, как этот, просто так не отступают. Такие, Юленька, или закапывают... или влюбляются. Третьего не дано.

– Типун тебе на язык, бабуля! – фыркаю я. Где этот миллиардер и где я, пампушка.

Утыкаюсь носом в розы и глубоко вдыхаю. Пахнут, зараза, восхитительно.

Глава 6

Демьян

– Значит так, – объявляю я, оглядывая свой штаб.

Штаб состоит из Ильи, шеф-повара Артема Эдуардовича и маркетолога Снежаны, которая смотрит на меня поверх ноутбука с легким ужасом.

– С сегодняшнего дня мы запускаем новую концепцию. Домашняя кухня! Борщи, котлеты, пирожки, короче все как у мамы. Только лучше, потому что у нас.

Повисает пауза. Артем Эдуардович медленно снимает очки и протирает их с таким скорбным лицом, будто я предложил ему станцевать лезгинку на разделочном столе.

– Демьян Андреевич, – произносит он страдальчески, – я стажировался в Лионе. У меня авторская подача. А еще я мастерски делаю сферификацию из свеклы, а вы предлагаете мне... борщ?

– Я предлагаю тебе борщ, за который люди в очереди стоят, – рычу я. – В полуподвале! На пластиковых подносах! А к твоей сферификации за неделю три человека пришло и один из них был налоговый инспектор!

– Он, между прочим, оставил хороший отзыв...

– А еще он оставил повестку!

Снежана тактично поднимает руку:

– Демьян Андреевич, а можно уточнить... Вот это внезапное стратегическое решение – оно случайно не связано с кафе «Вкусно, как у мамы»? Просто в сети уже пишут...

– Что пишут? – настораживаюсь я.

Снежана разворачивает ко мне ноутбук. На экране новость из городского паблика, пост с заголовком «Ресторатор против бабушки: битва за пирожки». И фотография. Моя, из окна машины. С тарелкой пирожков и одним надкушенным в руке и лицом человека, познавшего дзен.

– Дядя Толя, – сквозь зубы констатирую я. – Ну, свидетель...

– Тут двести комментариев, – с готовностью сообщает Снежана. – Народ голосует за бабушку со счетом примерно... двести-ноль. Вас называют «пирожковый рейдер» и кто-то уже решил выпустить мерч.

– Какой еще мерч?!

– «Руки прочь от пирожков», – цитирует она.

Я медленно опускаюсь в кресло.

Столько лет безупречной репутации, несколько бизнесов, даже Форбс обо мне писал. А теперь я пирожковый рейдер, кошмарящий бабушку и отжимающий у нее хлебобулочные изделия. Дожили.

– Так, – говорю я тоном, от которого у Ильи нервно дергается глаз. – Немедленно за работу. Артем, ты сегодня же разрабатываешь меню домашней кухни. Илья, ты выясняешь у поставщиков, где эта столовка закупает продукты и делаешь так, чтобы нам возили то же самое, только больше и дешевле. Снежана...

– Тушить пожар в интернете? – с готовностью подхватывает она.

– Нет. Раздуть его. Напиши, что я бросаю вызов. Что через две недели мой ресторан представит домашнее меню и пусть люди сами решат, чей борщ лучше. Короче батл. Народное голосование, все дела.

Снежана радостно тянет:

– О-о, а это может выстрелить...

– Это выстрелит, – обещаю мрачно, – я с ларьков начинал, я знаю, что такое конкуренция за покупателя. Свободны все. Илья, задержись.

Когда остальные выходят, Илья переминается у двери, как двоечник у доски.

– Что у нее по слабым местам?

– В каком смысле? – моргает он растерянно.

– В прямом. У любого бизнеса есть слабое место: аренда, поставщики, персонал, да что угодно. Что у нее? У пампушки этой? Ты же анализ проводил?

Илья мнетя, вздыхает и наконец выдает:

– Аренда, Демьян Андреевич. Полуподвал этот в старом фонде находится, здание под реновацию три года как рассматривают. Собственник какое-то ООО, у них договор с Юлией Сергеевной на двенадцать месяцев и не факт, что продлят.

Я откидываюсь в кресле и в голове прокручиваю свою шикарную комбинацию. Надо найти это ООО, выкупить помещение и тогда эта языкастая язва со своим фикусом Аркадием в следующий раз будет разговаривать уже не просто с конкурентом, а с собственным арендодателем. На этот раз вежливо и на моих условиях.

– Узнай контакты собственника.

Илья кивает и уходит, ссутулившись, как человек, которого заставили сдать лучшего друга.

Помещение с офисом я занимаю над рестораном и, когда подхожу к окну, мне с высоты виден угол того самого двора, где располагается эта треклятая столовка. Вижу, как довольный оттуда выходит мужчина со свертком и закипаю.

Постоянно из этого полуподвала кто-то выходит! Как будто мой ресторан, стоящий буквально рядом, с удобной парковкой, мишленовским шефом и первоклассным обслуживанием это какая-то шутка!

А эта... эта фифа! Вспоминаю, как она вчера кулаками в стол уперлась и «нет» мне в лицо бросила. Мне! Люди с ее оборотами со мной разговаривать боятся, заикаться начинают, а она еще и язвить умудрялась! Совсем страх потеряла!

Пальцы сами сжимаются в кулаки. Ну ничего. Ничего-о. Посмеялась – и хватит.

– Я тебе покажу «полшестого», – цежу я сквозь зубы, глядя, как внизу очередной счастливчик выныривает из подвала с бумажным пакетом, из которого валит ароматный пар. – Ты у меня, дорогуша, узнаешь, что бывает с теми, кто Демьяну Каримову войну объявляет.

Через две недели от ее очередей не останется и следа. Город все так же будет есть домашнюю кухню, но уже у меня. А потом я выкуплю ее подвал и лично, с улыбкой, вручу ей уведомление о расторжении аренды. И вот тогда посмотрим, кто кому пирожки с собой заворачивать будет.

Я задергиваю жалюзи, чтобы не видеть очередного довольного посетителя из столовки, хватаю телефон и рывкаю в трубку, когда гудки заканчиваются:

– Артем! Чтобы предварительное меню у меня на столе было к вечеру! И давай не подведи меня. Борщ должен быть такой, чтобы люди плакали!

– От счастья или как обычно? – обреченно спрашивает мой шеф.

– Премии лишу! – рычу я.

– Шутки уже не понимаете, – ворчит Артем.

– Не время для шуток, боец. У нас тут битва за честь! За мою честь, за твою, за всю ресторанную отрасль! Соберись!

Я бросаю телефон на стол, полный решимости. Еще ни одной битвы я не проигрывал, а уж с этой пышкой справлюсь вообще на раз-два. И не таких под себя прогибал!

Глава 7

Юля

Вечер, начало девятого. Я как раз переворачиваю табличку на «Закрыто» и мечтаю только об одном – доползти до дома и упасть на кровать. Ноги гудят, не хуже трансформаторной будки, спина отваливается, зато касса сегодня просто песня. Бабуля уже ушла, а я домываю последние подносы и напеваю себе под нос.

И тут в дверь стучат. Требовательно так, по-хозяйски.

– Закрыто! – кричу я. – Приходите завтра с девяти!

Но стук повторяется снова. Я выглядываю за стекло оконца и вижу знакомый рослый силуэт. Ну конечно, кто же еще является на ночь глядя, как не наглый конкурент? Проверить пришел, не закрылись ли мы еще окончательно?

Отпираю дверь и подпираю косяк плечом:

– Мужчина, вы читать умеете? «Закрыто». Восемь букв, все понятные.

Но Каримов отодвигает меня в сторону одним движением, будто я не вешу ничего, и проходит внутрь.

– Разговор есть.

Вот же... танк какой-то!

– Проходите, конечно, чувствуйте себя как дома, – язвлю я ему в спину. – Может, вам еще борща разогреть? Ах нет, простите, у нас же тут отравы, я забыла.

Демьян разворачивается всем корпусом и что-то в его лице мне сразу не нравится. В последние свои визиты он был злой, но живой: глазами сверкал, багровел, пирожки тайком трескал. А сегодня какой-то... ледяной. Как эскимо из морозилки.

– Я пришел в последний раз поговорить по-хорошему, – цедит он. – Последний шанс тебе даю все решить с выгодой для тебя же. Мое первое предложение ты отвергла, еще и публично из меня посмешище сделала. Весь город над этим «пирожковым рейдером» ржет. Так что слушай внимательно, повторять не буду. Или ты закрываешь эту свою пародию на кафе, или...

Я скидываю подбородок и дерзко перебиваю, уперев руки в бока:

– Или что?

– Или я ему помогу закрыться. Знаешь, проверки там всякие, ну или проводка вдруг коротнет... у тебя столовка же где? Правильно, в подвальном помещении, а тут всякое может случиться...

Смериваю наглого миллиардера взглядом.

– Ах вот как... Что, дела в модном крутом ресторане совсем плохи, что ты на прямые угрозы перешел? Даже твои богатенькие друзья в мою столовую бегают. А знаешь, почему? Потому что в моей стряпне есть душа! Воспоминания! А эта твоя высокая кухня – это просто издевательство, а не еда.

Каримов скрипит зубами так, что я всерьез опасаться начинаю, как бы он их не истер себе все. Но он вдруг ухмыляется. Нехорошо так, будто пакость задумал.

– Знаешь, что? Предлагаю тебе спор. Тот, кто в нем проиграет, закрывает свой бизнес.

– Да вот еще! – фыркаю я. – Нашел дурочку. Ты сто процентов жульничаешь, у тебя же это на лице написано!

Демьян надвигается на меня и от неожиданности я отступаю, вжимаясь спиной в стену. Он нависает надо мной и хрипло цедит почти в самые губы:

– А выбора у тебя нет, пышка. Либо ты соглашаешься, либо с твоей столовкой точно что-нибудь нехорошее случится.

Сердце колотится где-то в горле. От страха, конечно. Исключительно от страха, а не от того, что от него пахнет дорогим парфюмом и чем-то таким манящим и дразнящим, что хочется вдохнуть поглубже еще разок.

Так, Юля, соберись! Не время принюхиваться к противнику.

– Во-первых, – говорю я, задрав голову, потому что иначе на этого шкафа смотреть невозможно, – отойдите на шаг, а то у меня рука тяжелая, а сковородка еще тяжелее. Во-вторых... пышка, значит?

– Пышка, – с явным удовольствием повторяет он, не двигаясь ни на сантиметр. – Мягкая снаружи, а внутри, подозреваю, сплошная сдоба и начинка из вредности.

– Лучше быть пышкой, чем черствым сухарем, о которого зубы сломать можно! – парирую я и упираюсь ладонью ему в грудь, отодвигая.

Точнее, пытаюсь отодвинуть. Но с таким же успехом можно шкаф двигать, причем каменный. А я девочка немаленькая, между прочим, и все равно пыхчу от усилий.

– И запугивать меня не надо, я пуганая, – выговариваю я, не прекращая попыток отпихнуть гада. – У меня, между прочим, бабушка сорок лет в общепите оттрубила, она таких, как вы, половником с одного удара воспитывала!

– Верю, – неожиданно легко соглашается он и наконец отступает.

Я выдыхаю облегченно, пока Каримов не достает телефон и не находит там что-то.

– Значит так, слушай условия спора, раз по-хорошему боишься. Через две недели состоится кулинарный поединок. Публичный. Мой ресторан против твоей столовки. Одинаковое меню: борщ, горячее, выпечка. Готовим в один день, дегустация будет вслепую, чтобы люди не знали, где чья еда. Думаю, будет честно, если проголосует простой народ, а не всякие там дяди Толи ангажированные. А проигравший закрывается. Вот так вот! Навсегда!

Я окидываю миллиардера скептическим взглядом и мрачно констатирую:

– А если я откажусь, у меня проводка коротнет? Знаете, как это называется? Шантаж!

– Это называется мотивация! – невозмутимо поправляет Каримов. – Шантаж – это у меня в другом отделе.

И смотрит выжидающе. В глазах у него чистый мальчишеский азарт, как у пацанов, которые на спор с гаража прыгают. Этому громиле не проверки нужны и не подвал, а надо, чтобы я согласилась в честном поединке дать ему честь отстоять. Вот же неугомонный!

И тут во мне самой разыгрывается то ли гордость, то ли дурость. Не знаю, что именно, они у меня в одном флаконе хранятся.

– А знаешь, что? Хорошо. Я согласна. Но у меня есть два встречных условия.

Он вскидывает бровь:

– Торгуешься? Уважаю. Ну?

– Первое: голосовать должны действительно обычные люди, нельзя всяких блогеров подкупать, чтобы они тебя хвалили. Второе... – я делаю паузу и улыбаюсь самой сладкой своей улыбкой, – проигравший не просто закрывается. Проигравший неделю работает у победителя посудомойщиком. Лично. Представляете, какие в новостях будут заголовки? «Миллиардер Каримов драит кастрюли в подвале»! По-моему, звучит! Да тут очередь выстроится посмотреть на такое представление!

Секунду Демьян смотрит на меня так, будто я предложила ему станцевать в пачке на Красной площади. А потом вдруг запрокидывает голову и хохочет. Громко, во весь голос, аж стаканы позвякивают на витрине.

И я, дура такая, ловлю себя на том, что пляжусь. Потому что когда этот бульдозер смеется, он... ну... ладно, признаю, он почти симпатичный. Для сухаря.

– Договорились, пышка, – отсмеявшись, Каримов протягивает мне руку. – Только учти: посудомойщицей будешь ты. Разрешу тебе, так и быть, выбрать фартук.

– Мечтай, – фыркаю я, пожимаю его руку и моя ладонь тонет в его лапище. – Резиновые перчатки не забудь купить, а то у меня на вашу клешню таких даже не найдется.

Рукопожатие затягивается. Секунда, вторая, третья... Он не отпускает, я не отдергиваю – из принципа. Стоим, вцепившись друг в друга, как два барана на мосту, и сверлим глазами.

– Кхм. Я не помешал? – раздается от двери напряженный голос.

Мы отскакиваем друг от друга, как будто застигнутые за чем-то непотребным школьники за гаражами.

На пороге стоит Костя, мой жених. Ну, точнее, надеюсь, что скоро жених. В руке у него пакет из супермаркета, а лицо такое, будто он застал меня как минимум за ограблением банка.

– Костя! – я чувствую, как предательски вспыхивают щеки, хотя краснеть мне, вообще-то, не за что. Ну, почти. – Ты чего так поздно?

– Я, между прочим, тебя встретить пришел, – цедит он, не сводя глаз с Каримова. – Кефир вот купил, как ты просила. А тут, оказывается, у нас гости. После закрытия. За ручку здороваются. Минуты по три.

– Это не гость, это... – я запинаюсь, даже не зная, как охарактеризовать Демьяна. – Это по работе!

Костя переводит взгляд с меня на Каримова и обратно, с непередаваемой интонацией повторяет:

– По работе. В девять вечера почти по работе. Ну-ну.

Каримов, зараза такая, даже не думает смущаться или пытаться как-то разрядить обстановку, сказать, что он деловой партнер там или, на худой конец, рейдер. Наоборот, расправляет плечи и окидывает Костю таким оценивающим взглядом сверху вниз, будто это он здесь хозяин, а мой жених непрошенный гость.

– А это у нас кто? Курьер?

– Я ее парень! – вспыхивает Костя.

– Да? – Каримов поднимает бровь с таким искренним изумлением, будто ему сообщили, что я за фикус Аркадий замуж выхожу. – Надо же.

И вот в этом «надо же» столько всего намешано, что мне хочется одновременно провалиться сквозь пол и запустить в него подносом. Костя, к его чести, тоже улавливает интонацию и раздувается, как хомяк:

– А что вас удивляет?!

– Кефир, – невозмутимо отвечает Каримов, кивая на пакет. – Женщине, которая готовит лучший борщ в городе, носить кефир – это как Пласидо Доминго дарить свисток. Не по масштабу дар, юноша.

– Она, вообще-то, худеет! – выпаливает Костя.

Тишина.

Я медленно и удушающе краснею. Вот спасибо, Костенька, удружил. Три года встречаемся и надо же было именно сейчас, именно при этом шкафе, объявить на весь зал главную военную тайну.

Я медленно поворачиваюсь к своему ненаглядному:

– Кость...

– А что? – не чувствуя катастрофы, продолжает он. – Ты же сама мне обещала, что к лету немножко... ну... приведешь себя...

– Костя!!

Каримов смотрит на моего парня хуже, чем на жука навозного.

– И зачем ей худеть? Встречаться с пышкой и пытаться сделать из нее сушку? Сушки же на любителя: сухие, жесткие и крошатся. А пышка – это же архитектура! Это сдоба высшего сорта. Тут убавь, там убавь – и все, композиция развалилась.

– Так! Перестаньте!

Я хлопаю ладонью по прилавку, потому что чувствую, что уже ее понимаю, комплименты это или такой изощренный тонкий сарказм.

– Вот именно! – спохватывается Костя и на всякий случай делает шаг ко мне, обозначая территорию. – И вообще, кто вы такой, чтобы приходить сюда после закрытия и... и руки моей девушке жать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.